

Молли*Настоящее время*

Лежа в постели, я, как обычно, ждала малейшего намека на то, что ко мне вернулся мой прежний муж. О том, что это не так, говорила пустая половина нашей кровати. Но во мне еще жила надежда. Я внушала себе, что это был страшный сон и муж вот-вот начнет успокаивать меня ласковым шепотом и поцелуями. Возможно, он внизу, жарит блинчики, как раньше, подпевая какой-то малоизвестной песне по радио, прекрасный, белокурый, со взъерошенными после сна волосами и обнаженным торсом. Он повернется ко мне и улыбнется, тут же околдовав меня. Он невероятен — достаточно увидеть его улыбку, после которой так сложно прийти в себя.

Я в себя не приходила. Именно поэтому была уверена, что прямо сейчас он готовит для меня кофе и с любовью поливает блинчики кленовым сиропом и маслом. Глубоко вдохнув, я толкнула дверь на кухню, зная — *зная наверняка*, — что все будет как раньше.

Все будет прекрасно и чуточку банально.

Этот день наступил. *Я чувствую.*

Сквозь окно в комнату ворвалось первое теплое дыхание лета. За дверью спальни я не ощутила запаха кофе и блинчиков. Не страшно. Быть может, он вышел за завтраком, в кафе, где пенный капучино украшают трафаретными звездами. Алекс обменяется любезностями с парой за соседним столиком,

отпустит пару шуток, чтобы повеселить официантку, — такой уж он человек, — а потом, лакомясь яйцами Бенедикт и кофе, мы, абсолютно счастливые, спланируем наш день.

Затаив дыхание, я сбежала по лестнице в гостиную, по пути перепрыгивая пыль и грязь. И тут я остановилась; мое сердце оборвалось, надежда угасла. Он, как всегда, сидел на диване, неподвижный и ссутулившийся, в футболке и спортивных штанах. На голове — взъерошенные, длинные, неухоженные волосы. Не помню, когда в последний раз он ходил к парикмахеру...

Он уже давно проснулся — об этом свидетельствовала липкая миска с высохшими остатками овсянки на старом ковре рядом с ним.

Он обернулся и взглянул на меня — мой прекрасный муж. Но его лицо ни на миг не оживилось, его не озаряла широкая улыбка. Это был обычный и — самое невыносимое — безразличный взгляд. Я проглотила слезы, развернулась и помчалась обратно, наверх, разочарованная в еще одном дне.

Я быстро приняла душ — обычное начало моего изнуряющего утра. Вода еле-еле текла, а душевая лейка плевалась, и во все стороны летели брызги. И все же в этот день я наконец взяла себя в руки: с вечера погладила любимую блузу в горошек и черную юбку. (То еще достижение, и все же достижение. В последнее время глажка восхищала меня не больше, чем сортировка носков и стирка штор.)

Я вкалывала на работе — в основном из-за того, что уже получила предупреждение. Непросто постоянно балансировать на грани увольнения, и я старалась решить эту проблему опрятным видом и энергичностью.

Под окном спальни послышалось рычание трактора, вскапывающего выездную дорогу из поселка, напомнив, что размеренная загородная жизнь — далеко не то, о чем я мечтаю по утрам. Я торопливо высушила волосы, сделала макияж, брызнула на себя духами и надела украшения.

Готова.

В последнее время кофе я готовила сама. Нашла на кухне чистую миску из-под хлопьев на сушильной доске, взяла мюсли и открыла холодильник, чтобы достать четыре пинты¹ молока, которые купила пару дней назад. Но молока там не оказалось.

Я нахмурилась.

— Алекс?

Пауза.

— Да? — наконец послышался его монотонный голос.

— Где молоко?

Снова пауза.

— Не знаю.

— Хм, и с чем же ты ел свои хлопья?

Длинная пауза.

— С молоком, — сказал он тоном, подразумевавшим: *«Что за идиотский вопрос?»*

Я вздохнула. Игра с ним в угадайку займет больше времени, чем завтрак на работе. Я открыла шкаф, чтобы вернуть на место пустую миску. Между чашками, которые мы привезли из последнего в нашей жизни отпуска в Сиднее, стояло молоко.

Я коснулась рукой коробки — теплая.

— Прекрасно, Алекс. Молодец.

Я произнесла бы это тише, если бы знала, что он стоит прямо у меня за спиной.

— Что прекрасно? — спросил он.

В конце концов, я ведь только что произнесла его имя.

— Ничего, — ответила я, отвинчивая крышку и выливая молоко в раковину.

Ничего. Несчастные четыре пинты молока. Несчастный фунт стерлингов в лавке за углом — за пару минут я могла бы купить новую пачку. Если на миг остановиться и подумать рационально, станет ясно, что такую оплошность мог допу-

¹ Около двух литров. (Здесь и далее — примеч. ред., если не указано иное.)

стить кто угодно — даже я сама, если бы замоталась. Но я устала, и мне хотелось списать это на его мозг.

Я *адски* устала — это был последний день длинной недели. Я измучена, мне нужны кофе и топливо, меня нервирует моя работа.

Раздражали сушие пустяки. Его словесные перепалки с прохожими. Наша любимая шутка в нашем любимом фильме, над которой он больше не смеется. Его манера возвращать мне чашку из-под чая с лежащим в ней пакетиком. Раздражало, что мы больше не держимся за руки, потому что — мой ум не в состоянии это осмыслить — мужчина, с которым я разделила последние семь лет, считал это неприемлемым. И да, раздражала коробка прокисшего молока пятничным утром.

Поэтому мое «*ничего*» подразумевало: «*Как же меня это достало!*» Но Алекс в последнее время не воспринимал игру слов, особенно в такую рань. Когда молоко полилось в раковину, он протянул руку, пытаясь отобрать у меня коробку.

— Эй!

Это было прокисшее молоко, и я инстинктивно усилила хватку. Пару секунд мы нелепо пытались вырвать коробку друг у друга, пока его сила, как всегда, не победила. Это было предсказуемо: молоко выплеснулось в воздух. Оно стекало по моим волосам, лицу, блузе, юбке. Оно попало мне в нос и глаза. Я раскрыла рот, ощущая кислую вонь.

На миг ослепнув, я схватила бумажное полотенце и промокнула им лицо и глаза. Я была в бешенстве: очередная неизбежная схватка, очередная неизбежная головная боль. Коробка лежала у моих ног, остатки молока впитывались в подошвы моих колготок. Вонючая жидкость растекалась по бетонному полу — оголенные внутренности коттеджа постоянно напоминали о нашем неоконченном проекте мечты, — просачиваясь под холодильник и древнюю кухонную мебель, словно яд. Можно было просто набить стены гнилой макрелью — эффект был бы тот же.

— Какого черта ты это сделала?

Хотя волосы Алекса стали длинными — как у миролюбивого хиппи, — его темперамент оставался взрывным.

— Забудь, — сказала я, пытаюсь проглотить боль и отчаяние. — Я приберусь.

— Ты идиотка, Молли, — отрезал он, развернулся и ринулся в сад. — Это ты виновата.

Последняя фраза окончательно вывела меня из себя, и, хотя я действительно была отчасти виновата, каждое утро, открывая глаза, я представляла, что прежний Алекс вернулся. Невеселая игра, в которой я проигрывала снова и снова.

Грудь сдавил огромный ком, глаза стали влажными от отчаяния, но в голове стучало эхом: *«Не плачь, не плачь, не плачь»*. Нельзя являться на работу с красными глазами, не говоря уже об остальном.

Пока Алекс бродил по саду, я проскользнула наверх, пытаясь не паниковать из-за того, что явно опаздывала.

Кислая вонь становилась невыносимой. Я нагнулась и резко стянула с себя колготки, смяла их в мокрый вонючий ком и швырнула в раковину. Сбросив остальную одежду, снова стала под душ: удручающие, едва теплые капли отчаянно пытались вымыть молоко из моих волос. Мы меняли здесь водопровод, но напор воды почему-то оставался слабым, а Алекс больше не интересовался обустройством дома. Если что-то ломалось, я просила его брата прийти мне на помощь.

Слезы так и катились по щекам. До чего же я жалкая под этим душем. Эта мысль едва не повалила меня с ног.

Я больше не могу так жить.

Когда я спустилась вниз, на часах было девять утра. Уже следовало сидеть за рабочим столом в редакции журнала и проводить телефонное интервью с человеком, которого в этом месяце выбрал главный редактор.

Алекс снова сидел перед телевизором, не отрываясь от спортивных новостей. В последнее время он не занимался